

АЛЕКС АНЖЕЛО

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А66

Иллюстрация на обложке *Дарьи Бобровой*
Иллюстрации на наклейках *ANNAISE*
Иллюстрации во внутреннем оформлении *Adacta Ariès*
Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Анжело, Алекс.
А66 Кай / Алекс Анжело. — Москва : Эксмо, 2025. —
384 с.

ISBN 978-5-04-206642-9

Кай не похож на других жителей своего городка. Его глаза голубые, точно лед, а само существование окутано тайной и пред-
рассудками. Много лет назад он единственный выжил в ночную
метель, и теперь настало время вернуть долг зиме. Герда, любящая
красные розы и Кая. Кай, ставший художником и ищущий правду
о своем прошлом. Дева Льда, чьи руки испачканы в крови... Она
явилась забрать то, что уже давно принадлежит ей — сердце Кая.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206642-9

© Анжело А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Пролог

Сколько себя помню, мне всегда снился один и тот же сон — странный, завораживающий и кровавый. Хоть крови не было и в помине, но я отчетливо ощущал ее вокруг. Словно что-то погибало, пока под ногами на снегу расцветали сотни белых роз, которые, стремительно раскрываясь, радовали взгляд молочными лепестками. Вскоре из сердцевины выбирались мотыльки со сложенными крыльями — тоже белые, с махровыми усиками. Их было столь много, что, взлетая, они будто стирали весь мир вокруг. В этот момент ощущение чьей-то смерти ложилось на плечи, проникало внутрь и сжимало сердце ледяной рукой, а когда оно становилось невыносимым — я просыпался.

Поначалу эти сновидения пугали меня — ребенком я дрожал и плакал, закутываясь плотнее в одеяло. Из-за этих кошмаров не спала и бабушка: просыпалась от моих криков, приносила с кухни теплое молоко с медом. Я успокаивался и засыпал вновь, но ни разу не рассказал о своем сне. Ни об одном.

Полагаю, я боялся слухов, которые в то время и так ходили обо мне. О проклятом ребенке. Ведь все, что

идет вразрез с привычной размеренной жизнью людей, наверняка может принести одни лишь беды... А я давно был отмечен холодом и морозом.

Снегопад в день гибели моей матери шел невиданный — так говорили люди, ведь то время в моей памяти не сохранилось. Еще с утра ясное небо — редкость для осени в тех краях и по сей день — радовало яркими лучами солнца. В свете дня выпавший накануне снег успел слегка подтаять и засверкал, словно кто-то рассыпал по нему горсти бриллиантов.

Пейзаж за городом, за исключением высоких сосен и елок, состоял исключительно из белых оттенков с редкой синевой отражавшегося в снежных просторах неба и теней деревьев, словно кто-то облил мир цинковыми белилами. Вершины гор же на горизонте виделись как никогда ясно, не укрытые островками облаков. От этого казалось, что до них рукой подать — не больше часа пути верхом.

В те годы, на исходе девятнадцатого века, зимой наш край словно засыпал — снег заносил дороги так, что из некоторых поселений, затерявшихся среди гор, нельзя было выбраться все зимние месяцы.

Помню, когда я был уже в более сознательном возрасте, мой учитель, исполнявший эту роль всего пару лет и прибывший в город, наслушавшись о красотах природы, сказал:

— Белое золото возвышает вас, но белая смерть так и норовит убить. Может, когда-нибудь *у нее* это выйдет? — Он не уточнил, о чем или о ком именно говорил в тот момент, а я не стал спрашивать.

Учителя чрезвычайно забавлял тот факт, что наш город жил бок о бок со смертью.

Белым золотом в Хальштатте называли соль, которую добывали в недрах горы, — практически все жители зарабатывали на жизнь этим ремеслом, спускаясь

каждый день в шахты по глубоким желобам. А белой смертью прозвали снег на верхушках гор и особо снежные зимы, случавшиеся примерно раз в десять лет, заносящие дороги и едва не погребаяющие весь городок под белым покровом.

Застань одна из тех яростных метелей тебя в Малервеге — лесу, раскинувшемся по правую сторону от склона горы, — и ты не жилец. Но не только снег носил столь мрачное название. Еще Белой смертью звали ее. На самом деле ее много как называли и до сих пор кличут.

Тихо, шепотом рассказывают друг другу украдкой о Деве, которую раз в несколько лет кто-то из местных да заметит — то парящей на фоне закатного золотого неба, то гуляющей у кромки леса, то ночью, обласканная лунным светом, она пронесилась над озером, то ее силуэт был различим во вновь обрушившемся на город снегопаде.

Хотя со временем она стала осторожнее. Время потребовало — не прятаться, а выйти на свет. Время многое изменило.

Но моя история началась много лет назад, поздней осенью, когда снег уже укутал землю, но еще не перекрыл пути, молодая женщина, наняв дилижанс, ехала из близлежащего Линца в Хальштатт — городок, зажатый между горой и озером и оттого вынужденный ютиться на коротком пологом склоне. Путница возвращалась в дом матери, которая осталась одна в тот год, потеряв мужа. Он умер не от старости, хотя уже давно был немолод, — погиб в шахте. Его лишил жизни камень соли, отвалившийся от свода и упавший точно ему на голову. Череп проломился, и, словно из-под кисти невидимого художника, на соли расцвели алые цветы.

Так совпало, что и молодая женщина в тот год лишилась мужа. Он умер от лихорадки, сгорев за счита-

ные дни, оставив ее одну с годовалым сыном. Кареглазый, с черными, словно антрацитовый уголь, волосами, я был как две капли воды похож на отца — актера, мечтавшего стать известным. Возможно, он бы добился своей цели — как раз перед тем, как отца одолела лихорадка, ему дали ведущую роль в пьесе. Так, по крайней мере, рассказывала мне бабушка, пока была жива.

В тот день, когда моя мать отправилась в дорогу, ее застал сильнейший снегопад. Дилижанс уехал настолько далеко от Линца, что возвращаться уже не имело смысла, оставалось только двигаться вперед. Более уместный для середины зимы, чем для поздней осени, холод пришел следом — жестокий и голодный. В итоге утоливший свою жажду крови и отыскивавший жертву.

Моя мать замерзла насмерть в ту ночь, как и кучер, ведший дилижанс. Ее нашли в снегу, точно она решила преодолеть весь путь пешком, когда поняла, что колеса повозки прочно застряли в глубоких снегах. Но далеко уйти она не сумела — упав, прижимая к себе годовалого ребенка, осталась недвижима навсегда.

А метель прекратилась столь же внезапно, как и началась, уже к середине ночи небо вновь стало ясным, так что его усыпали мириады сверкающих огней, и даже Млечный Путь был виден невооруженным глазом, словно разлитое в воде молоко.

Именно ушедшая метель позволила группе людей из Хальштатта отправиться на поиски. Мать ждала дочь, которая так и не преодолела внезапно обрушившуюся стихию. Думаю, она надеялась, что вмешалась сама судьба и моя мать никуда не поехала, оставшись в Линце.

Судьба действительно вмешалась. Правда, по своему. Из людей, отправившихся в путь на том дилижансе, не выжил никто. Поисковый отряд из Хальштатта нашел лишь мальчика, укутанного в меховую накидку,

которого прижимала к себе заледеневшая женщина — ее волосы и кожу, словно меловая пыль, покрывал иней.

Когда они подошли ближе, ребенок в ее руках, укрытый тонким слоем снега, открыл глаза, и его взор лишил мужчин дара речи — яркая ультрамариновая радужка, словно лепестки пролеска, светлела к краю. Она выглядела неестественно и точно светилась изнутри.

Но самым поразительным стало дыхание ребенка — в теле осталась жизнь.

Мое появление в родном городе матери сразу же окутали истории — нелестные, полные мистики, они твердили, что сама Дева Льда вдохнула в меня жизнь. И что меня спасла зима. Но зима — это смерть. И знает, одарив жизнью, она отнимет еще больше.

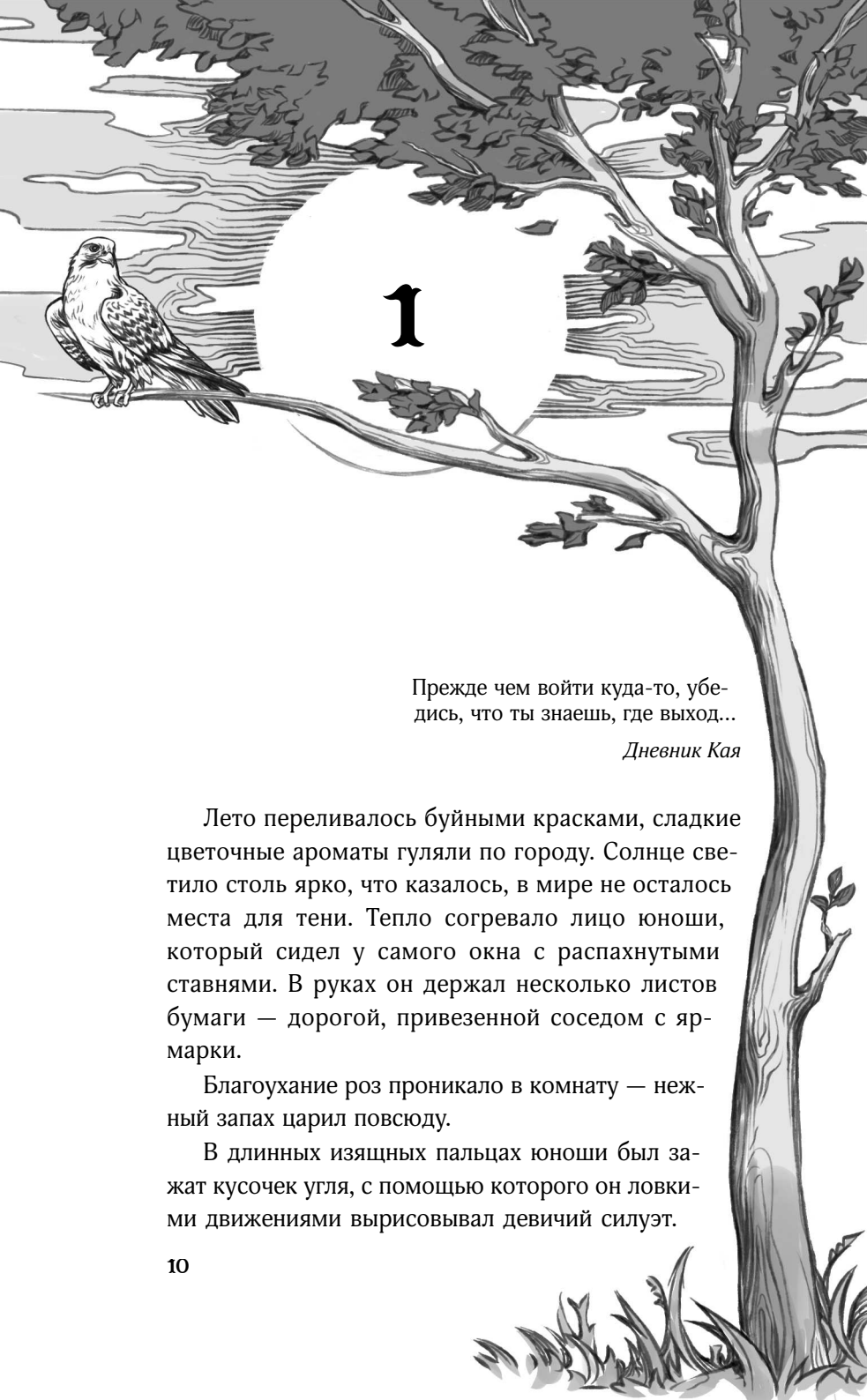
С тех пор людские страхи и опасения преследовали меня всегда. Но нашлись те, кто шел против предубеждений, став мне близкими. Их лица я храню в памяти и поныне.

Но даже от них я скрывал свои сны. Неизведанное пугает и отталкивает, а я не желал вновь стать *чужим*. Но вскоре так забылся, что запутался, взрослея, и все больше терял себя.

Только от себя не убежишь. И судьба неминуемо возьмет свое.

Знайте, я никогда не желал быть *иным*, но стал им без согласия.

I

Прежде чем войти куда-то, убедись, что ты знаешь, где выход...

Дневник Кая

Лето переливалось буйными красками, сладкие цветочные ароматы гуляли по городу. Солнце светило столь ярко, что казалось, в мире не осталось места для тени. Тепло согревало лицо юноши, который сидел у самого окна с распахнутыми ставнями. В руках он держал несколько листов бумаги — дорогой, привезенной соседом с ярмарки.

Благоухание роз проникало в комнату — нежный запах царил повсюду.

В длинных изящных пальцах юноши был зажат кусочек угля, с помощью которого он ловкими движениями вырисовывал девичий силуэт.

Рядом лежало еще несколько готовых портретов улыбающейся девушки со сверкающими глазами и веснушками на лице. Черные штрихи передавали настроение не хуже цветных мазков краски — любая линия, ничто сама по себе, вместе с остальными становилась искусством. На каждом рисунке было передано разное выражение лица, но объединяло все изображения одно — нетерпение, сквозившее в чертах Герды.

Ей никогда не хватало терпения для позирования, и ее не прельщали картины маслом. Кай знал, все дело в оттенках — она желала, чтобы они были ярче. Но Герда любила работы углем и собирала их, развешивая на стенах в своей комнате дома напротив.

— Кай! — Оклик прервал его размышления, юноша от неожиданности вздрогнул. Герда словно знала, что он думал именно о ней.

Отойдя от стола, стараясь ничего не задеть испачканными пальцами, он выглянул из окна. И заметил ее сразу — по облаку рыжих кудрей, на которые, словно королевский венец, возложили веночек из одуванчиков. Летом ее лицо особенно сильно усыпали веснушки, которых она стеснялась, но поделаться с ними ничего не могла. Каждый раз, когда приходило тепло, Герда надевала шляпу с широкими полями, прикрывая кожу, но вскоре забывала о ней, и к середине июля веснушки, как вражеские захватчики, усыпали щеки и скулы.

— Идем? — позвала она, задрав голову. — Ребята уже ждут нас на озере.

Кай оглянулся, бросив взор на законченный портрет и несколько все еще чистых листов, лежащих рядом.

— Хорошо, сейчас спущусь, — бросил он, пропадая из окна и нечаянно задевая куст розы, что рос снаружи в огромной кадке, прикрепленной к стене. Раздался

треск, и неокрепшая ветка с красным, почти раскрывшимся бутонем надломилась.

Каждый год Герда сажала алые розы в этот деревянный ящик вот уже на протяжении семи лет. К концу лета мелкие бутоны расцветали за окном Кая.

Розы в Хальштатте любили все. Ярко-красные, с мясистыми бутонами и длинными колючками на стеблях, они росли по обочинам улиц — иных сортов роз жители не разводили и не признавали.

Кай замер, глядя на надломанный стебель. Очнувшись же, принялся тихо ругаться, помня, что Герда давно заприметила именно этот бутон, — он был самым крупным, и, по ее словам, его лепестки имели особенно яркий рубиновый оттенок.

— Может, мне подняться? — раздался нетерпеливый голос.

— Не надо! Подожди минутку! — отозвался Кай, неотрывно смотря на каплю крови, набухавшую на пальце.

Вид собственной крови заставил его на мгновение застыть. После он тяжело сглотнул и выхватил платок из кармана брюк. Намочив его водой из кувшина, отмыл пальцы от угля, избавляясь от алой влаги и словно стирая следы своего преступления. Закончив, остановился у зеркала, застигнутый недавней мыслью.

Дорогое зеркало-псише — высокое, во весь рост — принадлежало еще его матери. Его привезли из Линца на ее шестнадцатилетие.

Кай сделал шаг, и отражение шагнуло ему навстречу. Ему всегда говорили, что у него необычные глаза. И это было отнюдь не комплиментом. Скорее, говоривший был полон настороженности, разглядывал его, как диковинку, стараясь отыскать, за что еще зацепиться и на что указать. Так ничего и не найдя, чужой взгляд ненадолго потухал. До следующей встречи.

Временами Кай слышал, о чем шептались соседки. Он красив, слишком красив для юноши. Прекраснее их дочерей, разве может мужчина быть таким? Не иначе влияние *иной* силы!

Он научился не замечать их голосов, что стали громче после смерти бабушки пару лет назад, и немного утихли, когда ему дали работу в церкви — создать фреску на одной из стен.

Кроме красоты их пугали события, при которых погибла мать Кая. Они и его самого наводили на смутные мысли. Ни один годовалый ребенок не выжил бы в ночной зимний мороз. И сколько бы теорий Кай ни строил, ответов так и не находил. На холоде он мерз, как и все, а в возрасте девяти лет намеренно убежал в лес и едва не погиб в снегах. Ему повезло, он выжил, а после наткнулся на охотников из их городка. Вскоре у Кая осталась лишь одна зацепка — та, о ком шептались лишь за плотно запертыми дверьми. Та, которая могла погубить весь их город в угоду своей жестокости и гордости, а пока лишь годами посылала им испытания. Еще в детстве Кай услышал от Петтера, мальчишки на пару лет старше, изводившего его, сколько он себя помнил: метель и мороз той ночи насланы Девой Льда. Лишь ей это под силу, и лишь она способна кого-то спасти в столь лютой холод.

Дева Льда, Ледяница, Королева Льдов, Снежная Ведьма...

Лишь малая часть ее имен.

— Кай! Неужели уснул? — Новый окрик вырвал его из мыслей. Он моргнул, неожиданно понимая, что приблизился вплотную к зеркальной поверхности, словно Нарцисс, разглядывающий свое отражение.

Поборов оцепенение, Кай поторопился наружу, заперев дверь в свои комнаты. Он жил на третьем этаже,

хотя когда-то все здание принадлежало его семье, но содержать целый дом тяжело. Да и в городке всегда были проблемы с землей — Хальштатт ютился на узкой полосе между горой и озером, отчего разрастаться было просто некуда, поэтому уже несколько лет на первом этаже жила другая семья. Кай почти с ними не виделся, используя второй вход с задней части дома.

Выйдя на улицу и завернув за угол, Кай сразу же увидел Герду. Она сняла с головы венок и стояла теперь, прислонившись спиной к стене и общипывая на нем цветы. Корзина, укрытая белой тканевой салфеткой, стояла на земле.

— Ты о-очень долго, — протянула Герда, отрываясь от стены и наклоняясь за корзиной. — Идем. Сегодня так жарко! — возвела она взгляд к бескрайнему синему небу. — Не будь меня, ты бы и вовсе, наверно, не выходил из дома.

— Возможно, — согласился Кай, вскидывая взгляд к своему окну. Розы в горшке покачивались, тревожимые ветром.

Герда отчего-то рассмеялась перезвоном хрустальных колокольчиков, привлекая его внимание. Он улыбнулся в ответ и забрал из ее рук корзину.

Герда была его семьей, практически сестрой, и он любил ее как родную. И из-за этих чувств разделял ее желания и устремления. По крайней мере, раньше всегда было так.

От скрытого за домами озера доносились крики птиц. Розы, высаженные по краям дороги, сладко благоухали.словно рубиновой лентой, они украшали их путь.

Герда по-хозяйски взяла Кая за руку, и он ощутил тепло ее тонких пальцев. Многие могли истолковать их отношения превратно. Особенно теперь, когда им обоим почти минул семнадцатый год.

Они направились к укромной заводи, туда, где берег не был скалистым и изгибался, а тень ив скрывала от чужих взглядов.

С наступлением холодов водная гладь покрывалась ровным блестящим льдом, ослепительным и прозрачным, пока его не припорошит первый снег. Именно на этом озере Кай и Герда в детстве долгими зимами катались на коньках. Ныне это происходило реже. Взросление уничтожает свободное время и наполняет жизнь заботами, а для Кая оно превратилось в поиски заработка, чтобы избежать спуска в соляную шахту. Временами Кай подрабатывал в семье Герды — таскал тяжести на кухне и исполнял любую порученную работу, пока господин Хакон, как и большинство других мужчин, добывал соль. Остальное время он тратил на свои картины, посвящал им каждую свободную минуту, в мыслях лелея желание уехать, но что-то удерживало его на месте, словно на ноги надели кандалы.

И это отнюдь не был страх перед неизвестностью.

Пока достойно существовать в Хальштатте ему помогала работа над фреской и семейные портреты, которые в последнее время заказывали местные жители. Правда, денег приносило это мало, едва окупались краски. Лишь семья Хэстеинов могла достойно оплатить его труд — они владели большей частью шахты, их поместье, со стороны выглядящее точно средневековый замок с картин, высилось на другом берегу озера. Ныне фреска, которая должна была украшать церковь, была наполовину завершена. Таланта и усердия Кая оказалось достаточно, чтобы его наняли для выполнения столь важной работы. И именно эта работа позволяла ему не бедствовать и держаться дальше от шахт. Каю казалось, уступи он хоть однажды, покорись судьбе и пойдя по легкому пути, и больше никогда не напишет ни одной картины. Глупое убеждение, но теперь он держался за него твердо,